

Виталий Забирко

Вариант

«Автор»

1984

Забирко В. С.

Вариант / В. С. Забирко — «Автор», 1984

В повести «Вариант» речь идет об инопланетном обществе, напоминающем Римскую империю времен распада

© Забирко В. С., 1984

© Автор, 1984

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Виталий Забирко

Вариант

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Холодная ночь опустилась на холмы славного города Пата. Утомленный шестидневным триумфом императора Тагулы, город спал. Не слышно было обычной переключки ночной стражи, не видно ни одного огня. Мрак съел город, и вечные звезды равнодушно смотрели на черные холмы. Только неумолчное стрекотание цикад в невидимых зарослях чигар-ника нарушало могильный покой ночи.

Декаду назад император Тагула высадился на Побережье со своими войсками. Победоносная кампания по усмирению провинции Севрии завершилась. Войска распустили по квартирам, но императору пришлось три дня ждать с непокрытой головой на Тритской дороге разрешения Сената на въезд в город. Сенат же, из памяти которого еще не успела выветриться диктатура тирана Корбелия, был напуган высадкой войск Тагулы в двух переходах от Пата и, боясь повторения истории, никак не мог собраться – сорок лет назад проконсул Корбелий высадился, подобно Тагуле, на Побережье со своими войсками после присоединения к землям Великого Пата провинций Табрии и Килоны, развязал гражданскую войну, захватил Пат и принудил толпное собрание утвердить свою тиранию. Поэтому Сенат собрался только на третий день по получении благодетельных известий о роспуске Тагулой своих войск. Тагулу приняли, обласкали, увенчали вторым золотым венком императора, и на следующий день, для успокоения войск, ожидавших дележа трофеев, начался шестидневный триумф. По случаю празднеств были устроены дополнительные раздачи хлеба и дарового вина первого урожая. После прохождения по Триумфальной аллее штурмового легиона, сопровождавшего заложников, рабов и трофеи, в храмах бога войны Спир и бога победы Катты были разыграны мистерии, восхвалявшие силу и мощь патского оружия, по окончании которых наследный фасхид Севрии, солнцеликий Антодорака, тайнорожденный угодно богам, но негодно Пату, был казнен на жертвенной плахе. На этом торжественная часть триумфа закончилась, и начались пиры, игрища, оргии, ристалища. Сенат не скупился. Рыночная площадь, а затем и прилегающие к ней улицы превратились в открытую пиршественную территорию для граждан Пата. По распоряжению Сената таверны, публичные дома, кабаки, гетеры обслуживали посетителей бесплатно – за все платила казна. В дни триумфа любой раб мог стать свободным или мертвым, сразившись один на один на каменных плитах Театрума со свирепым зверем сулом. Толпа ликовала. За время празднеств было съедено свыше семисот голов только крупного скота из триумфального сенатского стада, выпито более двенадцати тысяч гектонов вина, на ристалищах убито сорок два сула, а рабовладельцы потеряли около двухсот рабов живыми и мертвыми. Триумф Тагулы превратился в неуправляемую оргию, готовую смести с лица земли славный город Пат, и, казалось, не было силы, способной предотвратить разгул толпы. Праздничные бои на деревянных мечех местами стали переходить

в драки улица на улицу, квартал на квартал, взбудораженный город ходил ходуном, казалось, еще немного, и вспыхнет смута. Но к концу шестого дня как-то сами собой угасли пиршества и оргии, и город наконец погрузился в тяжелый хмельной сон. Сенатор Гелюций Крон, завершив вечернюю прогулку, медленно поднимался по ступеням виллы. Длинную сенаторскую тогу он аккуратно подобрал на коленях руками, чтобы не собирать подолом пыль. Раб, поджидавший его между колоннами с зажженным факелом в руках, стремглав сбежал по ступ-

пеням и только затем, пристроившись за спиной сенатора, ибо не полагается рабу быть выше своего господина, стал его сопровождать.

– Что говорят в городе, Атран? – не оборачиваясь, спросил сенатор. Он взошел по ступеням и отпустил тогу.

– В городе спят, господин.

Крон насмешливо заломил бровь. Палий Артодат давно советовал ему продать не в меру гордого и строптивого раба на галеры, но Крон только отшучивался. Именно эти качества он ценил в Атра-не, хотя открыто своих симпатий и не высказывал.

– Я вижу, ты хорошо провел время в городе?

Раб склонил голову.

– Отвечай!

– Как вам будет угодно, господин.

– Мне угодно, чтобы ты не прятал глаза!

Атран вскинул голову и повинувшись приказанию,

стал смотреть прямо в глаза сенатору.

«Что же выражает его взгляд – дерзость или просто неприкрытую наглость?» – подумал Крон, пытаясь рассмотреть в неверном отблеске пламени факела выражение глаз раба.

– Ты был у Гирона?

– Да, господин.

– Ты передал ему, что «Сенатский вестник» должен выйти завтра утром?

– Да, господин.

– Других слов ты не знаешь?

– Он был пьян, господин. И его подмастерья тоже.

– А ты?

Атран молчал и по-прежнему, не отрываясь, смотрел на сенатора.

– Ты знаешь, что я не люблю наказывать прутьями. Но еще больше я не люблю лжи.

– Я тоже пил, господин.

Крон окинул презрительным взглядом сухопарую фигуру раба.

– Твое счастье, что знаешь меру. Вели зажечь светильники и отправляйся спать. Завтра ты мне нужен трезвым.

Атран погасил факел и бесшумно исчез, растворившись в ночи. И в нахлынувшей темноте, казалось, звонче затрещали цикады. Сенатор медленно прошествовал между колоннами и вошел в дом. В большом зале сонная рабыня зажигала светильники.

– Постелишь мне на террасе, – сказал Крон. – И позови сюда писца.

Рабыня вздрогнула от его голоса, быстро повернулась к сенатору и согнулась в поклоне. Крон прошел через зал и отдернул завесь в спальню.

– Пусть ждет меня в зале, – бросил он через плечо.

В спальне было темно и душно – в застоявшемся воздухе висел тяжелый запах коринского бальзама.

«Опять не проветривали», – поморщился сенатор. Он хотел вернуться, сделать выговор рабыне, но передумал. За тяжелой завесью прошлепали босые ноги рабыни – она спешила в людскую будить писца.

Что-то неуловимо изменилось в сенаторе. Легко и бесшумно он скользнул к стене, уперся в нее руками. Несколько мгновений стоял так, словно в раздумье, и вдруг между его широко расставленными ладонями образовалась черная ниша. Привычным движением Крон просунул туда руку, там что-то щелкнуло, застрекотало, зажегся зеленый огонек, и наружу, сворачиваясь в свиток, стал выползать лист бумаги. Когда огонек замигал, сенатор подставил руки, и свиток, щелкнув ровно обрезанным краем, упал в них. Огонек погас, и провал в стене затянулся.

Крон потуже свернул свиток, сунул его под мышку и провел рукой по восстановившемуся участку стены. Чуть в стороне от только что затянувшегося провала рука наткнулась на большого слизня, и сенатор брезгливо ее отдернул. Машинально – слизень был холодным и скользким на ощупь – вытер пальцы о тогу. Впрочем, ощущение было обманчивым – от прикосновения к слизи на коже ничего не оставалось. Крон вновь надел на себя маску степенности и, не торопясь, вышел из спальни.

Писец уже ждал его. Низко согнувшись в поклоне, он стоял посреди зала, поддерживая одной рукой доску для письма, висевшую на веревке через плечо, а в другой сжимая стило и флакон чернил. Уставился в пол, блестя темной, словно полированного эстебрийского дерева, лысиной.

Не обращая на писца внимания, Крон прошел к еще теплой жаровне, снял с подставки деревянные щипцы и вернулся в спальню. Сдвинув завесь, чтобы свет проникал в комнату, внимательно осмотрел все стены и только затем снял слизня. Стряхнув его со щипцов на тлеющие угли в очаге, Крон так же внимательно обследовал зал. Здесь он нашел еще двух слизней: одного – на стене над ложем, другого на статуе богини Горели – покровительницы домашнего очага. Слизни запузырились на углях и, вспыхнув неярким бездымным пламенем, сгорели. Пепла после них не осталось, а в воздухе запахло чем-то похожим на озон.

«Странные создания, – подумал Крон, глядя на угли. – Живут, как мокрицы, только в домах, чем питаются – неизвестно. Ни вреда, ни пользы – одно отвращение... Завтра нужно сделать выговор управителю: спальню не проветривают, слизней не собирают...»

Он положил щипцы на место, прошел к ложу и сел. И только затем поднял глаза на писца, все еще стоящего в согбенной позе.

Самым поразительным у писца была лысина – блестящая, абсолютно голая и бугристая. Словно пустыня, пораженная атомной катастрофой. Сам же писец выглядел неприметным, маленьким, тщедушным старичком, вечно сгорбленным, суесящимся и прячущим глаза. Ветхая, обтрепанная, в прорехах и заплатках туника, забрызганная чернилами, еще больше подчеркивала его никчемность. Но все это создавало обманчивое впечатление. Писец не напрасно прятал глаза, холодные и злые. Ум у него был расчетливый и жестокий. Скользкий, изворотливый человечек, способный продать и трижды перепродать кого угодно и кому угодно. Даже самого себя.

– Ты что, ждешь особого приглашения? – недовольно процедил Крон.

Писец встрепенулся.

– Сейчас, мой господин.

Крон неторопливо возлег на ложе и, подмостив под локоть подушку, стал индифферентно наблюдать, как писец суетливо усаживается на корточки, укладывает на колени доску для письма и заправляет губку стила чернилами.

– Ты готов записывать? – брезгливо спросил Крон. В этом доме задерживать кого-либо имел право только он.

– Да, мой господин, – угодливо закивал писец и брызнул на сенатора быстрым, как укол, взглядом колючих глазок.

Крон развернул свиток. Он давно подумывал выгнать писца, удерживало только одно: он не знал, кто тогда из челяди станет доносчиком. Жить с известным фискалом гораздо легче, чем подозревать всех подряд.

Крон быстро пробежал глазами общие распоряжения и рекомендации Комитета по Проекту и наконец подошел к информационному бюллетеню, касавшемуся событий в империи.

«Провинция Асилон.

В результате дворцового переворота убит царь Асилона Асибран III. Трон захватил первый изъявитель воли государя Пинтекрахт Аду, помазанный на царствование Асикрахтом II.

По восшествии на престол он принес присягу верности и покорности посаднику Пата в Асилоне Лекотию Брану.

Обращаем внимание коммуникаторов, внедренных в Асилоне, на тот факт, что этот переворот является уже седьмым за последние три года».

– Пиши, – проговорил Крон писцу. – «К событиям в Асилоне».

Стило закрипело по бумаге.

– «...И да будет звезда твоего царствования долгой, взор чист, дорога светла, дела велики, и да приумножат они славу Асилона! И да будет у земли Асилона отец и защитник, справедливый и мудрый, муж достойный и правый, и имя ему – царь Асикрахт!» – так заканчивает свою речь в честь помазания на царствование верховный жрец Асилона, и посадник Пата в Асилоне добавляет: «Во славу Великого Пата. И да будет так!» И на престол восходит седьмой за последние три года царь Асилона.

Но во славу ли Великого Пата взошла звезда царя Асикрахта? Да, он, как и шесть предыдущих царей, принес присягу верности Пату и, следует ожидать, будет ее соблюдать. Но кто поручится, что в результате следующего дворцового переворота его место не займет какой-нибудь очередной Асиновет V, ярый поборник независимости Асилона, и опять не развяжет так называемую освободительную войну? Народ Асилона устал от непрерывных дворцовых переворотов, страна неуправляема, второй год не родит хлеб, в южных областях свирепствует мор, участились случаи восстания черни, которая, подстрекаемая жрецами Асилона, направляет свои выступления против владычества Пата. Поэтому не исключена возможность, что для начала военных действий в Асилоне и не потребуется очередной смены правителей.

В связи с вышеизложенным вызывает недоумение беспечное поведение посадника Лекотия Брана. Благодаря его попустительству страна погрязла в междоусобицах, которые грозят вылиться в опустошающую гражданскую войну; хозяйство страны находится в полном развале, от чего в первую очередь страдают интересы Пата, ежегодно недополучающего от Асилона до шестидесяти тысяч звондов откупного налога. А между тем в стране сложилась ситуация, при которой, усиль мы царскую власть, огради ее от бесчисленных покушений и чехарды властолюбивых правителей, покончи с междоусобицами и, главное, накорми чернь хлебом – и этим самым хлебом нам бы удалось сделать в Асилоне гораздо больше, чем за шестьдесят лет нашего присутствия в Асилоне мечом. Из Асилона, вечно бунтующего, свободолюбивого, – покорного и верного вассала. Но вместо подобных решительных действий Лекотий Бран, как нам сообщают, устраивает оргии и вакханалии, всюю предаваясь разгулу. Вот уж, воистину, пир во время чумы!» Все.

Сенатор замолчал и принялся просматривать следующие сообщения. О наборе в легионеры вольноотпущенников и свободных граждан; о подкупе третейских судей по делу аргентария Целия Патустина – это в следующий номер; о землетрясении в Падуне – это по прибытии обычной падунской почты... Наконец главное.

«Область Паралузия.

Окруженные в Пинтийских болотах восставшие подымперские древорубы, предприняв отвлекающий маневр через Гыкную топь, ударили основными силами в центр осады и, опрокинув четырнадцатый надсмотрный имперский легион, ушли в кустарниковые лабища паралузского Лесогорья. Посаднику Люту Конте удалось в течение четырех часов собрать остатки легиона, однако организованная им погоня ни к чему не привела. Найти следы в практически непроходимых лабищах оказалось невозможно. И через два часа, под все усиливающийся ропот солдат, истерзанных железными шипами лаби-щенских кустарников, при рубке которых щербилась мечи, посадник был вынужден прекратить поиски. В порыве бешенства он приказал поджечь лабища. Но кустарниковые заросли, несмотря на то, что край лабищ солдаты засыпали торфом, накопанным здесь же, в Сухом болоте, так и не загорелись. Вместо этого огонь

перекинулся на Сухое болото, и Люту Конте пришлось спешно отступить на Туборову дорогу, спасаясь от разоженного им же самим пожара.

Тем временем повстанцы, сделав крюк в лабищах, вышли к горе Стигн и стали там лагерь. Попытка внедрения в их ряды нашего наблюдателя прошла успешно».

«Кто там у нас в Паралузии? Кажется, Баглак... – Крон хмыкнул. – Ему бы не сводки составлять, а романы писать». Он еще раз окинул взглядом сводку из Паралузии и кивнул писцу.

– «Бунт подымперских древорубов».

Сенатор подождал, пока писец каллиграфически выведет заглавие, и продолжил:

«Как ранее сообщалось в „Сенатском вестнике“, в области Паралузия при строительстве дороги к форпосту Пиклон через непроходимые лабища Лесогорья произошло восстание подымперских древорубов. Четырнадцатый надсмотрный легион, руководимый посадником Лютом Контой, сумел отрезать бунтовщиков от единственной в этих местах дороги – дороги Тубора – и, оттеснив их в непроходимые Цинтийские болота, перекрыл все тропы, исключив тем самым всякую возможность отступления. Слава патскому оружию!

Теперь же, по прошествии двух декад после начала мятежа, нам пора трезво оценить причины, побудившие подымперских древорубов поднять бунт, и возможные последствия этого события. Прежде всего следует вспомнить, что же собой представляют, а вернее – представляли, подымперские древорубы? Два года назад Сенат утвердил скрижаль о создании полувоенного легиона, подчиненного имперской гвардии, для постройки дорог в северных провинциях Пата с одновременным обучением этого легиона воинскому делу. В легион предусматривался набор вольноотпущенников и свободных граждан, которые по окончании работ имели право на поступление в один из привилегированных имперских легионов императоров Пата без предварительных испытаний. Заманчивая перспектива оказаться в высокооплачиваемом легионе одного из выдающихся военачальников, будь то дважды император Тагула или императоры Лаган или Брулий, привлекла в древорубы большое количество волонтеров.

Они даже не очень роптали на задержку жалованья и его недоплату, а также на увеличение объема работ, ибо тогда лишались права на поступление в штурмовые легионы – своеобразную имперскую гвардию. Но когда посадник Лют Конта стал по своему усмотрению устанавливать сроки для каждого из древорубов, отменил жалованье, а для пресечения беспорядков ввел в Паралузию надсмотрный легион, словно для охраны каторжников, древорубы взбунтовались.

Люту Конте (слава патскому оружию) удалось осадить бунтовщиков в Цинтийских болотах. Однако та выжидательная позиция, которую он занял в настоящий момент, может оказаться весьма пагубной для данной кампании. Ибо восставшие древорубы – это не просто взбунтовавшаяся чернь, разрозненная, вооруженная чем попало и имеющая смутное представление о ратном деле, но хорошо обученный, вымуштрованный, подготовленный для императорских легионов отряд, сплоченный двумя годами почти каторжных работ и вооруженный секачами для рубки железного кустарника, которые по своей твердости не уступают патским мечам. И если богине удачи Потуле станет угодно, чтобы древорубы прорвали осаду и ушли в кустарниковые заросли паралузского Лесогорья, то Пату суждено приобрести на своих северных границах сильного и хорошо обученного военному искусству врага. Ибо этот пока немногочисленный отряд будет пополняться и разрастаться за счет беглых рабов, которые устремятся к нему со всей империи. Поэтому посаднику Люту Конте необходимо активизировать свои действия, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать мятеж подымперских древорубов в самом зародыше». Все.

Крон замолчал и улыбнулся про себя. «Теперь так писать можно, – подумал он. – Пусть пробуют». Он прикинул в уме объем статей для завтрашнего оттиска «Сенатского вестника»

и нашел, что дополнительного материала достаточно. Лениво откинувшись на подушки, он принялся дочитывать сводку, но тут же снова привстал.

«Бадазунские острова.

Сообщений от нашего наблюдателя после нападения на остров Крам пиратской армады не поступало. Шедший к нему резервист до цели не дошел – его корабль был обстрелян с берега из огнеметных кибальд, а затем атакован быстроходными веселыми шреками пиратов. Корабль был затоплен, и резервисту пришлось воспользоваться аквастатом.

В настоящий момент проводятся попытки высадки на остров десантной группы спасения с помощью межпространственного лифта».

«Этого еще не хватало, – подумал Крон. – Бортник замолчал. Каких людей теряем...» Он раздраженно щелкнул пальцами.

– Передовицу о триумфе Тагулы мне!

Писец вскочил с места и быстро засеменил к сенатору. На ходу он вытащил из-за пазухи толстый сверток бумаг, нашел нужный черновик и протянул хозяину. Крон не глядя принял свиток и снова поднял пустую ладонь.

– Грифель мне! – опять нетерпеливо щелкнул он пальцами. – Ну?

Он вскинул голову.

Острыми, вездесущими глазками писец так и впился в информационный бюллетень.

– На место, – зловеще процедил сквозь зубы сенатор и вырвал из рук писца грифель. – Глаза выжгу!

Очевидно, в лице сенатора было что-то страшное, потому что писца отбросило от него.

«Спокойнее, – утихомирил себя Крон. – Спокойнее. Не хватало, чтобы ты действительно претворял свои угрозы в жизнь». Он развернул черновик и принялся вносить в него правки.

– Пиши, – буркнул он писцу и начал диктовать статью о пиратстве в водах Аринтийского моря.

Начал он издавека, с истоков возникновения братства пиратов, связанных с присоединением к землям Пата Бадазунских островов. Впрочем об этом он сказал буквально несколько фраз и сразу же приступил к главному. Он привел данные об участвовавших в нападениях на торговые корабли, а в последнее время и на прибрежные города, свидетельствующие о полной безнаказанности пиратов и вытекающей из этого все возрастающей их наглости. Он подсчитал ежегодные потери Пата в звондах от пиратских набегов и довел до сведения Сената неутешительный вывод, что эти потери с каждым годом растут, как растет и сама армада пиратов. Он припомнил все: и похищение трех сенаторов, выкуп которых обошелся Пату в сорок тысяч звондов, и ограбление золотого каравана из провинции Селюстия, в результате которого пираты захватили шестнадцать судов, в том числе и конвойных, и боязнь купцов в одиночку выходить в открытое море, и перебои в доставке таберийского масла и колонских пряностей. И, наконец, он привел главный козырь – с убедительной точностью финансовых выкладок он показал, что организация кампании против пиратов обойдется Пату дешевле ежегодных потерь от морского разбоя.

– Все, – закончил Крон диктовку и бросил писцу черновик статьи о триумфе Тагулы. Писец с необычайным проворством вскочил и подхватил его на лету.

– Поднимешь сейчас начальника стражи и пять солдат их охраны, – проговорил сенатор, поджигая информационный бюллетень от стоящего рядом светильника, и почувствовал, каким жадным взглядом следит писец за горящим свитком. Он аккуратно раздавил пепел о ручку светильника, а оставшийся в руках уголок бросил в масло рядом с горящим фитилем.

– Поведешь их к Гиرونу, – продолжил Крон, – и заставишь там всех работать. Чтобы к утру «Сенатский вестник» был готов. За него отвечаешь ты.

Сенатор мельком глянул на писца и увидел, как его глаза, все еще наблюдавшие за обрывком бюллетеня, пыхнули огнем властолюбца. Пусть на одну ночь, пусть над десятком рабов, стражников и ремесленников, но он почувствует себя хозяином.

«Незавидная ночь выдастся сегодня у Гирона», – подумал Крон.

– Но горе тебе, если не будет так! – охладил он писца. Крон выдержал паузу и закончил более спокойным тоном: – Если все не поместится на одном листе, уберешь помеченное мною из передовицы о триумфе Тагулы.

– Все будет исполнено, господин, – ощерился в улыбке писец.

Сенатор махнул рукой.

– Иди.

– Спокойной ночи, господин, – низко поклонился писец и принялся пятиться. Он пятился, шаркая подошвами сандалий, до самого конца зала, пока не скользнул под завесь, согнувшись в последнем поклоне.

Крон сел на ложе, хотел хлопнуть в ладоши, позвать рабыню, чтобы подала ужин, но передумал. Сообщение с Бадазунских островов камнем лежало на сердце. Все они, коммуникаторы, находившиеся здесь, знали, что их ждет в этом жестоком неразумном разумном мире, готовились к этому, годами стажирясь в Центре подготовки, стараясь приучить себя к жестокости, крови, обману, смерти своих соратников – самым невосполнимым потерям, чтобы потом, внедрившись, можно было, сцепив зубы, перенести все это, быть гуманными, уметь погасить в себе ненависть, ибо, ненавидя этот мир, нельзя сделать для него добро.

Крон поднялся и, тяжело ступая, вышел на террасу. Спальное ложе, по-походному простое – деревянный топчан, обтянутый войлоком, легкое покрывало и жесткая маленькая подушка, набитая свалявшейся шерстью, – было уже приготовлено. Сенатор сбросил с себя тогу и хлопнул в ладоши. Из-за колонны появилась все та же сонная рабыня с большим кувшином на голове. Сенатор молча перегнулся через парапет, и она принялась лить ему на спину холодную воду. Фыркая и отдуваясь, Крон умылся, стащил с плеча рабыни купальную простыню и стал энергично растираться. Рабыня зябко переминалась с ноги на ногу. Умывание холодной ночью стылой водой казалось ей сумасбродством патского сенатора.

Крон вытерся и бросил простыню на руки рабыни.

– Завтрак подашь к бассейну, – сказал он. – Иди.

– Спокойной ночи, господин.

– Спокойной ночи, – привычно кивнул Крон и осекся.

Глаза у рабыни стали круглыми и испуганными. Она так и застыла.

– Прочь отсюда! – гаркнул сенатор. Лицо его перекошилось, и он, резко повернувшись, лег на ложе.

«Что за дикий мир, – с тоской подумал он, – в котором человек не может сказать человеку доброго слова?»

Сзади послышался быстрый топот убегавшей рабыни, а затем донесся звук разбитого в панике кувшина.

«Вот так мы и несем сюда разумное и доброе...» Он перевернулся на спину. Сон не шел. Ожидаемая после холодного купания разрядка не наступала.

«Не будет нам покоя в этом жестоком, неустроенном мире...» – неожиданно подумал он. Чужие колющие звезды не мигая смотрели на него, и он впервые подумал, как ему не хватает здесь успокаивающего света Луны.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вода в бассейне отливала зеленью и пряно пахла тарбитским благовонием. В домах знати Пата было принято добавлять в воду ароматические масла и порошки, причем меры в этом не знали: зачастую вода становилась непрозрачной, а по ее поверхности ряской плавали нерастворившиеся хлопья пудры. Вот в такое парфюмерное болото Крону и приходилось погружаться каждое утро. По счастью, в последнее время на рынках города стало практически невозможным приобрести таберийское масло, радужные разводы которого на воде считались у аристократии признаком утонченного вкуса, но вызывали у Крона чувство брезгливости: будто он окунается в воду с керосиновыми пятнами.

«Хоть в этом есть какая-то польза от пиратов», – невесело подумал Крон. Он нырнул и медленно поплыл под водой. Хорошо, что в Пате еще купаются...

Крон вынырнул у стенки бассейна и увидел над собой склоненную фигуру Атрана.

– Хорошего утра, господин, и ароматной воды.

– Что тебе?

– Вас ждет парламентарий Плуст.

– Зови.

Сенатор не торопясь выбрался из бассейна, принял от рабыни купальную простыню и закутался. День начался.

Бассейн находился во внутреннем– дворике виллы – его вырыли на месте ристалищного круга по приказу бывшего владельца виллы Аурелики Крона, сводного брата отца Гелюция Крона, коммуникатора Гейнца Крапиновски. Собственно, в задачу Крапиновски и входила подготовка почвы для внедрения своего преемника. Он прибыл в Пат богатым купцом из провинции, не торгуясь, приобрел эту виллу, перестроил ее на свой лад, не скупясь в звондах, стал вхож в знатные дома Пата, что позволило ему получить статус гражданина, а отпрыску его сводного брата, на правах наследного гражданства, дало возможность баллотироваться в Сенат. И Гелюций Крон был благодарен дяде за подготовку не только своего внедрения, но и своего быта. Вряд ли он для увеселения гостей устраивал бы бои рабов на ристалищном кругу.

– Приветствую тебя, сенатор!

По плитам внутреннего дворика со вскинутой тонкой дистрофичной рукой шел парламентарий Плуст. Худой, костлявый, он производил впечатление изможденного непосильным трудом раба, по случаю праздника набросившего на себя дорогую господскую тунику.

– Проходи.

Крон сделал приглашающий жест в сторону редколистных, чахлах за недостатком света дендроний, меж узловатыми стволами которых лежали ковровые тюфяки. Отодвинув ветви, Плуст прошел к тюфякам, возлег на самый толстый и достал из-за пазухи свернутую в тоненькую трубку бумагу.

– «Сенатский вестник»? – спросил Крон, вытирая голову краем простыни.

Плуст оскалился. Ему доставляло удовольствие первым сообщать свежие новости и сплетни.

– Он самый. Зашел утром к Гирону и взял первый оттиск.

– Так они еще не закончили?

– Заканчивают... – Плуст неожиданно хохотнул. – Старичок, который у Гирона сегодня заправляет, твой?

Крон кивнул.

– Вот бастурнак! Он и меня чуть не заставил работать!

Сенатор закончил вытирать голову и сел на тюфяк напротив Плуста. Ладонью он сильно хлопнул по низенькому столику, стоявшему в стороне. Вбежала рабыня, быстро вдвинула столик между господами, поставила кубки и два кувшина с неразбавленным вином и водой.

– Картретское? – Крон взял в руки кувшин.

– Да, господин.

– Тебе как, разбавлять?

– Я сам.

Крон налил в кубок картрета, отхлебнул и поморщился. Скверный обычай в Пате – пить натошак.

Чтобы не разочаровывать ожидания Плуста, он спросил:

– Ну и как тебе «Сенатский вестник»?

Плуст снова оскалился, обнажая зубы.

– Я всегда говорил, что у тебя обворожительная улыбка. – Крон вальяжно раскинулся на тюфяке. – Это ты по поводу Лекотия Брана?

Будто не понимая, на что намекает Плуст, он поднял бровь.

– Вообще-то, нет, – проговорил Плуст, наливая себе второй кубок. – Хотя любой посадник на месте Брана не будет лучше. Да и какое нам дело до грызни за власть в Асилоне? Лишь бы они оставались верны

Пату.

– Мы ежегодно недополучаем из Асилона треть налога, – недовольно заметил сенатор.

– Ну и что? – пожал плечами Плуст. – Асилон – страна большая, и усиль мы там царскую власть – кто знает, будем ли мы получать налог вообще.

Крон бросил на него быстрый взгляд.

«Здесь ты прав, – подумал он. – Но не ради налога и интересов Пата писалась эта статья. В Асилоне сейчас каждый пятый умирает голодной смертью, каждый третий идет на мечи, чтобы посадить на трон очередного царя за обещанный кусок хлеба, детская смертность в стране выросла почти на порядок, ширится эпидемия черной хвори... И уж, конечно, эти каждый пятый и каждый третий не из высших слоев общества. Но какое вам дело до них, если вы народ презрительно называете толпой? У вас-то и слова такого в словаре нет...»

– Но не об Асилоне я хотел говорить, – продолжал разглагольствовать Плуст. – По-моему, Гелюций, ты положил руку в пасть сулу. У посадника Люта Конты много влиятельных покровителей в Сенате. Не стоило дуть на угли до окончания подавления смуты в Паралузии.

– Мне лучше знать, стоило или нет! – высокомерно отрезал сенатор. – Какое мне дело до того, что он родственник Кикены? Тем хуже для них обоих! Этот бездарный посадник превысил свои полномочия, присвоив жалование древорубов и превратив их из вольноотпущенников в рабов. Теперь, благодаря его тупости и жадности, на наших северных границах возник инцидент, грозящий безопасности Пата.

– Преувеличиваешь, Гелюций. Тебе снятся плохие сны? Из Цинтийских болот древорубам не выбраться.

– Я воскую фимиам богине удачи Потуле, если будет так!

Плуст хитро прищурился и допил второй кубок.

– Ставлю карбского жеребца за свои слова, – сказал он.

– Тысяча звондов против. Когда проиграешь, – сведешь свою клячу на живодерню, а мясо раздашь рабам. Если только она не успеет околеть до прибытия паралузской почты.

Плуст промолчал, только снова оскалился. Он ничего не терял, ставя в заклад карбского жеребца – старого, заезженного одра, доживающего свой век.

Подошла рабыня и поставила на стол блюдо с кирейскими птичками, запеченными на спицах в листьях, и две чаши – с острым соусом по-килонски и с зеленью. Не дожидаясь приглашения, Плуст стащил со спицы одну птичку, обмакнул в соус и откусил сразу половину.

– Удивляюсь, как у тебя их готовят, – проговорил он, отправляя в рот изрядный пучок зелени и запивая вином. – Твоих птичек можно есть с костями.

Крон усмехнулся. Необыкновенная прожорливость Плуста, которая, как ни странно, не шла ему впрок, стала притчей во языцех. По городу даже ходили нецензурные стишки о том, что все съеденное им затем переваривается и усваивается желудками его содержанок. И действительно, все его содержанки были тучными и дородными.

– Сегодня в термах Тагула устраивает после-триумфальное омовение, – сообщил Плуст, принимаясь за следующую птичку. – Будут гетеры, кеприйские музыканты и угощение на две тысячи звондов. Сам Солар согласился сочинить ему хвалебную песнь.

– Говорят, Кикена с Тагулай нашли общий язык? – вяло спросил Крон.

– Не удивительно, – подхватил Плуст. – Консул ищет сильных сторонников, поскольку в последнее время его политика не вызывает у Сената особого удовлетворения. А Тагула – как раз тот, кто ему нужен. Герой,»дважды император, армия его превозносит, но в политике, мягко выражаясь, тугодум. И если Кикена приберет его к своим рукам, то весь Сенат будет плясать под его струны.

Плуст перестал жевать и, наклонившись вперед, доверительно сообщил:

– Между прочим, консул предложил Тагуле в жены свою сестру...

– Непорочную Керту, – хмыкнул Крон. – Она же страшнее твоего карбского жеребца.

– Ошибаешься, сенатор, ошибаешься! – повысил голос Плуст. Он отрицательно помахал перед лицом лоснящейся ладонью. Глаза его так и блестели. – Тиксту!

«Вот это да! – присвистнул Крон. – При незамужней старшей сестре выдать замуж младшую? Плевал на приличия наш консул, когда из-под него выдергивают консульскую подушку!»

– Естественно, как предложение, так и согласие пока были неофициальными.

Крон взял спицу с нанизанными птичками и, держа ее, как шампур с шашлыком, стал аккуратно есть. Плуст же принялся наполнять очередной кубок, разливая вино по столику. Он хмелел просто на глазах.

«Это уж совсем некстати, – недовольно подумал Крон. – И откуда у них такая патологическая тяга к пьянству – даже застольный этикет предписывает выпить все, что стоит на столе, в знак уважения к хозяину и его дому. Впрочем, сам виноват. Если тебе нужен трезвый Плуст, то нечего ставить полный кувшин вина».

– До сих пор я считал Кикену если и не очень умным и дальновидным, то достаточно хитрым политиком, – проговорил он. – Но, организовав такую свадьбу, он может потерять лицо в Сенате. И я не уверен, что приобретение зятя-героя в лице Тагулы перевесит потери.

– Напрасно! – захохотал Плуст. – Не такой дурак наш консул. Увидишь, еще до официального предложения Керта станет жрицей в храме Алоны.

Крон промолчал.

«Ну вот, ты и узнал все, – подумал он. – Кикена не обманул твоих ожиданий. Приличия будут соблюдены, общественное мнение удовлетворено. И хотя за спиной Кикены начнут расползаться сплетни и слухи, это не мешает ему сохранить статус добропорядочного гражданина».

Тем временем Плуст охмелел. Заикаясь и постоянно хихикая, он начал рассказывать анекдот о бондаре, его жене и ее любовнике, выдававшем себя за покупателя. Анекдот был старый, заезженный, и Крона всякий раз, когда он слышал его, корбило, как марктовеновского янки – сразу же всплывал в памяти аналогичный анекдот, встречавшийся и у Боккаччио, и у Апулея. Интересно было бы проследить истоки возникновения анекдота здесь, в Пате, – случайное это совпадение или же кто-то из коммуникаторов блеснул остроумием древних?

Крон вытер руки о край простыни, хлопнул в ладоши и приказал рабыне подать одежды. Натянул на себя нижнюю холщовую рубаху, затем застегнул кожаный пояс с тяжелой литой

пряжкой, продел в петлю короткий меч. Рабыня попыталась обуть его в сандалии, но он отмахнулся и сам завязал ремешки.

– Ты сейчас в Сенат? – спросил Плуст. – Я с... с тоб... с тобой.

Крон взял из протянутых рук рабыни аккуратно сложенную тогу, накинул ее на себя. К счастью, патская тога, кроме символического обозначения принадлежности к аристократии, имела мало общего с римской. Иначе Крону пришлось бы потратить немало времени на облачение в нее.

– Я не против, чтобы тебя притолпно высекли шиповыми прутьями.

Плуст громко икнул.

– Я не голосовал за скрижаль о трезвости в Сенате!

– Что не помешает высечь тебя, – спокойно заметил сенатор, – поскольку она все же была утверждена. Государственные дела должны решаться с трезвой головой.

– Все равно все пьют, – упрямо буркнул Плуст.

– Но не перед заседаниями в Сенате. И если все же пьют, то не так, как ты. Идем.

Крон подхватил Плу́ста под руку и легко поставил на ноги.

– Это все твои кирейские птички, – бормотал Плуст в свое оправдание, пока сенатор тащил его к выходу. – Если бы у тебя не готовили так вкусно, я бы не напился... Кстати, сенатор...

Он сделал попытку освободиться, но Крон не отпустил его.

– Ну погоди немного...

Крон завел его в комнаты и, резко повернувшись, остановился. Плуст пьяно ткнулся ему головой в грудь, с трудом, шатаясь, отстранился.

– Что тебе?

Плуст громко икнул и зашатался еще сильнее.

– Ты не мог бы мне ссудить...

– И это в который же раз? – нехорошо усмехнувшись, Крон прищурил глаза.

Плуст неопределенно махнул рукой и снова попытался уронить голову на грудь сенатору.

– Видишь ли, – удержал его за плечи Крон, – наши с тобой финансовые отношения перешли в фазу, требующую такой же трезвости, как и прения в Сенате.

Он наклонился к уху Плу́ста и тихо, но твердо сказал:

– Будь сегодня в термах на омовении Тагулы. Там и решим этот вопрос.

Сенатор поднял руку и щелкнул пальцами. В дверях появился Атран.

– Помоги парламентария, – Крон, оставив Плу́ста, пошел к выходу.

Атран обхватил Плу́ста за талию и повел вслед за хозяином. Здесь хмель окончательно ударил в голову Плу́сту, он панибратски обнял раба за шею, и, пока тот вел его через анфиладу комнат к выходу, Крон слышал, как он изливает Атрану душу, жалуясь на жену, содержание, скучную постылую жизнь, хроническую нехватку денег и непрекращающиеся козни толпных представителей, братьев парламентариев и господ сенаторов. Он даже пытался облобызывать раба, но тут они вышли из дома. Яркое солнце и душный воздух, резко сменившие полумрак и прохладу комнат, словно гигантский пятерней прихлопнули Плу́ста. Лицо его мгновенно приобрело синюшный цвет, на висках обозначились пульсирующие вены, которые, казалось, сейчас лопнут от сгустившейся крови. Ему стало дурно, он судорожно глотнул и, скосив в сторону вылезшие из орбит глаза, увидел перед собой плечо раба. Плуст отшатнулся. Его опьянение перешло в новую стадию. Исчез Плуст сюсюкающий, жалкий и жалующийся, и возник Плуст-воитель, разъяренный и жестокий, необузданный в страстях.

– Раб?! – заорал он внезапно севшим голосом. – А где твой ошейник, собачья морда?

Четверо рабов, в ожидании своего господина расположившихся прямо на мостовой перед виллой, услышав его голос, мигом вскочили на ноги, схватили носилки и поднесли их к ступеням.

– Где твой ошейник, я тебя спрашиваю, а? Я тебя сейчас на куски порублю!

Плуст принялся искать в складках туники меч, зашатался, и если бы не Атран, поддерживавший его, то полетел бы вниз по ступенькам. Крон махнул Атрану в сторону носилок. На губах раба мелькнула мимолетная усмешка, он крепко обхватил Плуста за талию и сбежал с ним вниз. Плуст вопил что-то, но Атран уже опрокинул его в носилки, и парламентарий так и застыл поперек них с открытым ртом.

– Доставьте его домой, – глядя куда-то в сторону, приказал Крон рабам. – Или, еще лучше, к его первой содержанке.

Рабы неуверенно переминались с ноги на ногу.

– Ну? – рыкнул он. – Вы что, не знаете, где дом Гиневы?

Носильщики, словно подстегнутые, рванули паланкин с места, и Плуст, что-то пытавшийся сказать на прощание сенатору, слетел с сидения в изножье, где и остался сидеть. Никто из рабов не бросился его поднимать.

Доставлять своего господина в таком виде им было не в диковинку. И он так и поплыл к своей содержанке, сидя поперек носилок и качая высунутыми наружу худыми ногами с неплотно привязанными подошвами сандалий.

Крон проводил взглядом носилки и спустился по ступеням.

«Нужна, ох как нужна статья, – в который уже раз подумал он. – Не в „Сенатский вестник“, конечно. Пат еще не созрел для таких статей, почвы мы не подготовили, а в „Журнал практической истории Проблемного института по контактам с внеземными цивилизациями“. И не просто дать в статье голую констатацию сущности приверженцев как паразитирующих нахлебников – это и так все знают. А рассмотреть ее на конкретном примере, тем более что он у тебя всегда перед глазами: приверженец сенатора Гелюция Крона наследный парламентарий Свирк Плуст. Чтобы будущие коммуникаторы не просто усваивали этот факт – его он тоже знал перед своим внедрением, но и были психологически подготовлены окунуться в зловонную клоаку откровенной лести, требующей беззастенчивого покровительства, наглого подкупа, шантажа и насилия, беспардонно совершающихся в присутствии как посторонних лиц, так и своих противников, мелочных интриг, выливающих в словесные перепалки по политическим вопросам и переходящих в кровавые мордобои – всех низменных страстей и пороков человеческих».

Конечно, ничего нового в «проблеме приверженцев» не было. В истории Земли можно найти достаточное количество примеров. Политические деятели привлекали на свою сторону голоса выборщиков обещаниями, посулами, деньгами, лестью, угрозами, шантажом – взять хотя бы историю республиканского Рима. Однако в Пате это явление приобрело еще более чудовищные и отвратительные формы. Здесь голоса уже не покупались, а продавались, и рынок сбыта страдал не от недостатка голосов, а наоборот – от дефицита «приверженцевладельцев», так как содержать своих сторонников вместе с их челядью, любовницами и непомерными запросами было, мягко говоря, несколько обременительно. Первое время пребывания в Пате Крон был буквально поражен паразитизмом приверженцев – далеких отпрысков когда-то именитых родов, развращенных славой своих предков, с размахом живущих в свое удовольствие на остатки когда-то огромных состояний или избытки новых долгов. Имея наследное право на место в Сенате или в толпном собрании, они умело использовали его, как политические проститутки, продавая свой голос тому, кто больше заплатит. Вместе с тем, такая продажность приверженцев, сразу бросающаяся в глаза при первом знакомстве с жизнью Пата, имела и другую сторону. В свое время Гейнц Крапиновски, еще как следует не разобравшись в закулисной жизни Сената, попытался скупить как можно больше приверженцев для своего преемника, однако из этой затеи ничего не получилось. Все оказалось не так просто. Вначале он предполагал, что его неудача связана с тем, что он гражданин первого поколения и не имеет права баллотироваться ни в толпное собрание, ни тем более в Сенат. Но когда ему все же удалось

приобрести некоторых из приверженцев, то они оказались самого низкого пошиба – пустышками в толпном собрании, занимающими там только места. И это нельзя было объяснить лишь тем, что Аурелика Крон был гражданином первого поколения. Звондов он не жалел, предлагая приверженцам, имевшим влияние в толпном собрании и в Сенате, суммы, намного превышающие их содержание у своих патронов, но ни одного из них так и не заполучил. Как позже выяснилось, несмотря на политическую продажность и экономическую зависимость, приверженцы обладали своеобразным кодексом чести по отношению к патрону, что служило одновременно как платой за содержание, так и страховым полисом для «приверженцевладельцев», благодаря которому приверженцы и обеспечивали себе столь высокую плату. Перекупка могла произойти только после длительных, искусственно вызываемых разногласий по политическим вопросам с сюзереном, и конфликт, начавшись с мелочей и постепенно обостряясь, должен был тянуться достаточно продолжительное время, чтобы приверженец не потерял свое лицо и значение в толпном собрании или Сенате, иначе новому сюзерену такой приверженец оказался бы не нужен.

Крон перевел взгляд на Атрана. Раб, воспользовавшись задумчивостью сенатора, расслабился, позволив себе стать вполборота к нему. Смотрел он куда-то мимо господина в сторону виллы и улыбался. Крон повернул голову. Из-за колонны выглядывала Калекция, та самая рабыня, что подавала ночью воду, она делала Атрону какие-то знаки. Заметив, что господин обратил на нее внимание, мгновенно скрылась. Атран тут же повернулся к сенатору, и лицо его вновь стало бесстрастным.

– Где меч? – недовольно спросил Крон.

– Рабу не положено иметь меч, господин, – смиренно наклонил голову Атран.

– А тебе его никто и не предлагает. Будешь нести его в руках, как мою принадлежность.

Быть может, ты забыл, как это делается?

– Я помню, мой господин. Но у вас уже есть меч.

– А вот это тебя не должно касаться!

– Я понял, мой господин. Мне можно идти?

– Нет. Это еще не все. Возьмешь в спальне на столике кошель с деньгами и принесешь.

Крон еще раз критически осмотрел фигуру раба.

– Теперь иди.

Атран склонил голову.

«Вот и еще одна проблема, правда, уже моя личная, – подумал Крон. – Что за тайны завелись в моем доме – неужели я приобрел себе еще одного соглядатая Кикены?» Месяца три назад у него в прислужницах была рабыня-килонка Дискайна, настолько явно шпионившая в доме, что ему пришлось, дабы не прослыть простофилей или кем-нибудь еще похуже, дать ей вольную. Правда, такое решение вызвало массу пересудов в Пате – здесь были не в моде подобные чудачества (нерадивых рабов и рабов-изменников перепродавали или засекали прутьями), но Крон только посмеивался. Взамен он приобрел на невольничьем рынке новую рабыню, причем купил ее у заезжего падунского купца, так что ни о каком внедрении в его дом очередного шпиона не могло идти речи. Калекция была тиха, покорна, боязлива, из дому практически не выходила, и ее вряд ли могли успеть подкупить. Хотя чем бастурнак не шутит!

Вернулся Атран и протянул сенатору кошель с деньгами. Крон взял несколько звондов, положил в поясной карман и вернул кошель рабу.

– Спрячь у себя, – буркнул он и, не дожидаясь, пока Атран засунет кошель за пазуху, стал спускаться с холма.

Город встретил его духотой и зноем. Узкая, закованная со всех сторон в камень Карпарийская улица, названная в честь одного из древнейших родов, основавших Пат, в этот предполуденный час сочилась жарой, как каменная кладка очаговой ямы для выпечки лепешек, и

Крон мгновенно покрылся липкой испариной. В очередной раз он проклял про себя двойную жизнь, которая не оставляла места для собственной.

Несмотря на жару, людей на улице было больше обычного. Кончился триумф Тагулы, и все спешили наверстать упущенное, отставленное в сторону на время праздников. Вдоль бесконечных каменных заборов по раскаленным плитам сайского сланца сновали рабы, ремесленники, служанки, торговцы вразнос, изредка посередине улицы проплывал паланкин. Из-за заборов на улицу лениво переползал едкий дым очагов – где-то готовили трапезы, жгли мусор, оттуда же слышались палочные удары – то ли выбивали ковры, одежды, то ли наказывали провинившихся рабов.

У рыночной площади, откуда вытекала большая толпа, нагруженная съестными припасами, Крон свернул в переулок и вышел к дому Гирона, скрытому за такой же каменной стеной. Атран поспешно забежал вперед и распахнул перед ним деревянную дверь, когда-то крашенную, но сейчас облупившуюся и поблекшую до такой степени, что нельзя было разобрать, какого же она цвета.

Пригнувшись, чтобы не зацепиться головой за низкую притолоку, Крон вошел во двор Гирона, большой, пыльный, и пустой. В углу двора в куцей тени одинокой чахлой ладиспенсии полулежа дремали два стражника в расстегнутых кожаных латах, одинаково раскинув ноги в желтых легионерских сандалиях. На ступеньках крыльца, в грубом кожаном фартуке на голое тело, сидел мрачный и злой, как бастурнак, Гирон, а писец, жестикулируя и брызгая слюной, визгливо чем-то ему грозил. Под бородой у Гирона ходили желваки, руки, сложенные на коленях, то и дело сжимались в кулаки, но он молчал. Услышав за спиной шаги, писец повернулся и осекся, узнав сенатора. Разъяренное лицо мгновенно приобрело умильное, подобострастное выражение, спина угодливо согнулась, и писец быстро засеменил навстречу своему господину.

– Здравья и счастья сенатору Крону! – залебезил он, ощеривая гнилые зубы.

Услышав имя сенатора, дремавшие стражники вскочили на ноги, спешно застегивая панцири. Крон молча прошел мимо писца прямо к Тирану. Мастер медленно встал.

– Приветствую тебя, сенатор, – мрачно сказал он.

– И я тебя, – небрежно махнул рукой Крон. – Как работа?

– Все сделано еще утром, господин, – затараторил писец за спиной, – и все оттиски разнесены по адресам...

– Ты, кажется, чем-то недоволен, Гирон? – спросил Крон, не обращая внимания на писца.

– Да, сенатор.

Гирон вскинул голову.

– Да ну?! – притворно удивился сенатор. – И чем же это?

– Тобой, сенатор. – Гирон продолжал смело смотреть на Крона. – Я свободный человек, сенатор. Зачем ты сегодня на ночь приставил ко мне стражу, будто к рабу своему? Если ты ко мне еще раз пришьлеш этого мозгляка, то я удуш его вот этими руками!

Он поднял перед собой огромные, узловатые, черные от краски ладони. Писец на всякий случай отступил за спину сенатора.

Крон рассмеялся и жестом подозвал Атрона. Раб, поняв его, достал из-за пазухи кошель и развязал. Крон взял из кошель две монеты и небрежно бросил их через плечо.

– Это тебе за работу, – сказал он писцу.

Реакция у писца была отменной. Звона падающих на землю монет Крон не слышал.

– Ценю твою откровенность, мастер Гирон, – сказал он. – А теперь скажи: за этот оттиск «Сенатского вестника» ты получил деньги вперед?

Гирон чуть заметно кивнул.

– А если бы тебя ночью не разбудили, оттиск был бы готов к утру?

Мастер угрюмо молчал.

– Можешь считать меня своим благодетелем, за то, что ты не сидишь сейчас в долговой яме и не бит прутьями...

Крон повернулся к Атрану.

– Зайди в печатню, разбуди стражу и отправь домой. Да, и дай подмастерьям по звонду за работу.

Он подождал, пока Атран скроется в дверях дома, и, поймав писца за ухо, притянул к себе.

– Что у них с Калецией? – спросил сенатор, кивнув в сторону дверей.

– У них... – заgrimасничал от боли писец, в то же время пытаясь усмехнуться. – Хи-хи...

Крон оттолкнул от себя писца. Слушать дальше не было необходимости. По ухмылке писца все было ясно.

– На сегодня ты свободен, – объявил сенатор. Писец, поминутно кланяясь и благодаря, исчез

со двора. И тут же из дверей печатни стали выскакивать заспанные стражники, на ходу застегивая доспехи и приветствуя сенатора. Крон пересчитал их взглядом, затем махнул рукой, отсылая домой. Когда дверь на улицу захлопнулась за последним стражником, он расслабленно опустился на ступеньки.

– Садись, – предложил он Гирону.

Мастер молча сел рядом.

– Мне бы не хотелось, чтобы мое хорошее отношение к тебе изменилось, – просто сказал Крон и положил руку на колено Гирона. – Но в последнее время я не узнаю тебя. Раньше у тебя не было ничего, кроме рваной туники и массы идей в голове. Я дал тебе звонды, и половину своих идей ты смог воплотить в жизнь – подарил Пату производство бумаги, печатный текст... Но это и все. Обилие звондов притупило твои мысли, ты перестал работать головой, а теперь не хочешь и руками. Ты увлекся женщинами и вином – у тебя сейчас все есть. Нет только идей в голове.

Сенатор встал и отряхнул тогу.

– Мой тебе совет на прощанье – работай. Мне будет искренне жаль, если твоя светлая голова, способная столько дать для усиления могущества и расцвета Пата, сгинет в кабаках в окружении низкосортных гетер. Поэтому, ради нашей дружбы и уважения к тебе, я сделаю все, чтобы этого не случилось. Вплоть до того, что оставлю на тебе одну рваную тунику.

Крон повернулся и пошел прочь. У самых дверей он остановился и поднял в прощальном приветствии руку:

– Я дал твоей голове пищу. Работай!

К зданию Сената Крон подошел как раз в то время, когда жрец-прорицатель начал жертвоприношения. Меж колоннами в ожидании начала заседания небольшими группками стояли сенаторы и парламентарии. Внизу, перед ступенями в Сенат, расположились телохранители и рабы. Крон отстегнул короткий меч, передал Атрану и, оставив его в толпе, сам поднялся по ступеням.

«Немногие же явились в Сенат после празднества», – отметил Крон про себя. Впрочем, ничего серьезного сегодня не предвиделось. Консул должен был подвести итоги Севрской кампании, а казначей Сената отчитаться о расходах на триумф Тагулы.

Господа сенаторы и парламентарии обсуждали прошедшие праздники. Крон медленно шествовал между группами, отвечая на приветствия знакомых и разыскивая глазами Артодата. Политических разговоров никто не вел, искусства тоже не касались. Говорили в основном о том, кто, как, где и с кем провел праздники, у кого чем угощали, кто сколько выпил, о женщинах, ристалищах, лошадях. Грубые шутки, претенциозно именовавшиеся здесь подвигами, наподобие таких, как украсть одежды у купающихся в термах и устроить из них погребальный

костер, привязать дико орущего овцекозла на самый верх триумфальной стелы, прыгать по деревьям и крышам, вдребезги разбивая черепицу, свои и чужие головы, – считались здесь в порядке вещей, и в них принимали участие люди всех возрастов и положений, начиная с простолюдинов, граждан первого поколения, не имеющих прав голоса, и заканчивая высокопоставленными аристократами, чьи родословные корнями своих генеалогических древ уходили к основателям Пата. Временами то из одной группы, то из другой доносился взрыв дружного смеха – политические противники с юмором обсуждали свои и чужие промахи во время «подвигов». Трудно было поверить, что эти добродушные, веселые люди, беззлобно подтрунивающие друг над другом, в Сенате превращались в заклятых врагов и, тыча друг в друга указующими перстами, выливали на головы соперников ушаты словесных помоев. Иногда дело доходило даже до побоищ седалищными подушками и кулачных потасовок между группировками приверженцев – оружие сдавалось у входа в Сенат, – но за стены Сената дразги и распри старались не выносить, сохраняя у рядовых граждан хотя бы видимость единства республиканского правительства. Что, впрочем, не исключало устранения при помощи яда или кинжала особо неугодных, маскируемого под разбойничье нападение или гурманское пристрастие к грибам и крабо-устрицам, среди которых попадались ядовитые.

Артодата Крон нашел в группе сенаторов, окруживших заику Бурстия и весело пародирующих его заздравную речь на пирушке в доме Краста. Крон вставил пару остроумных фраз в разговор, а затем, мягко взяв Артодата под руку, неторопливо отвел его в сторону.

– Не делайте постного лица, друг мой Палий, – проговорил Крон, – это портит вашу аристократическую внешность. Что нового вы мне сообщите?

Однако Артодат явно не владел качеством, весьма необходимым сенатору наряду с деньгами и твердыми политическими убеждениями, чтобы иметь положение в Сенате: улыбку из себя он еще выдал, но глаза по-прежнему продолжали насторожено бегать.

– У меня для вас неприятные новости, Гелюций, – сказал Артодат и сглотнул слюну. – Зачем вам понадобилась статья о событиях в Паралузии? Разоблачением корыстолюбивых намерений посадника Люта Конты вы разворошили осиное гнездо Кикены и его приспешников. Мягко говоря, вы поступили несколько опрометчиво, рискнув написать подобное до окончания инцидента. Я бы не хотел сегодня сидеть на вашей подушке в Сенате.

– Спасибо. Я не нуждаюсь в советах, – надменно проговорил Крон. – Что еще?

Лицо Артодата вытянулось, взгляд застыл.

– Консул увеличил регламент. Третьим вопросом добавлен проект скрижали о мерах веса, объема, расстояний и времени.

Крон рассмеялся.

– Если вы думаете, что это плохая новость, то ошибаетесь. Палий, вы же знаете, что я целиком и полностью поддерживаю это предложение. Давно пора. Или, быть может, у вас есть сведения, что его забаллотируют?

– Нет. Кикена тоже заинтересован в принятии скрижали.

– Так в чем же дело? – Крон заломил бровь. – И улыбайтесь, что вы смотрите на меня, как бастурнак. На нас уже обращают внимание.

– Сейчас и у вас, Гелюций, пропадет желание улыбаться, – пробормотал Артодат. – Утверждение скрижали послужит поводом для нападков на «Сенатский вестник». Сейк Аппон обвинит вас в субъективистских взглядах на политические акции Сената, которые вы распространяете среди граждан Пата, подрывая тем самым авторитет властей. И в заключение потребует запрещения издания «Сенатского вестника». Конечно, они прекрасно понимают, что голосование еще неизвестно в чью пользу закончится, поэтому консул, вроде бы для умиротворения бушующих страстей, найдет такое решение вопроса чересчур жестким и предложит передать издание «Сенатского вестника» в ведение Сената.

«То есть в свои руки, – подумал Крон. – Ловок Кикена! И „Сенатский вестник“ заполучить, и заслужить славу миротворца...»

– Да? – Он вдруг весело рассмеялся. – Прекрасный анекдот, прекрасный!

Крон кивнул двум парламентариям, проходившим мимо, и лишь когда они отошли на достаточное расстояние, спросил:

– И вы, конечно, подготовили достойный ответ?

– Да, Гелюций. Нас хоть и мало, но...

Крон предостерегающе поднял руку.

– Никаких действий не предпринимать. Я отдам им «Вестник». Но!... – Он многозначительно поднял палец. – По окончании моей речи вы... Впрочем, нет. У Ясета Бурха это получится лучше. Пусть он предложит меня куратором «Сенатского вестника». Все?

Артодат растерянно кивнул.

– Идите и успейте предупредить Бурха раньше, чем жрец разрешит заседание.

Крон снова рассмеялся и сильно хлопнул Артодату по плечу.

– Что мне в вас особенно нравится, друг мой Палий, – громко сказал он, – так это умение рассказывать анекдоты. Вы сами никогда не смеетесь!

Речь Кикены выглядела унылой и скучной, впрочем, как и все хвалебные торжественные речи. Сенаторы откровенно зевали, шепотом переговаривались. Наверное, только один Тагула, сидя на почетном месте, слушал с вниманием, ерзая по каменной скамье при каждом упоминании его заслуг перед Патом. А так как свою речь Кикена целиком и полностью посвятил ему, то ерзал он постоянно. Впрочем, Артодат шепнул на ухо Крону другую причину непоседливости дважды императора. Тагула забыл взять подушку и теперь боялся застудить седалище.

Наконец консул сказал «дикси» и возвратился на свое место. Неизвестно, кому из коммуникаторов пришлось в голову ввести латинское «я сказал» в обиходную речь, но оно прочно вошло в язык Пата, причем именно в латинском звучании. И это слово стало своеобразным мостиком между Древним Римом и современным Патом.

Речь Кикены слабенько поприветствовали.

Затем Пист Класт Дартога, казначей Сената, доложил о состоянии казны и расходах на триумф Тагулы. Несмотря на явно завышенную сумму, постановление о списании расходов приняли благосклонно, хотя и без особого энтузиазма. Казнокрадство в Сенате считалось обычным делом, вопросов по расходам не поступало, и казначей сел на свою подушку, с удовлетворением отдуваясь.

Когда слово взял сенатор Труций Кальтар, среди присутствующих пронесся оживленный гул. Проект о введении новых общепатских мер веса, объема, расстояния и времени вызывал много толков, поскольку существовавший в империи полиморфизм системы мер стал своеобразным камнем преткновения на пути расширения влияния Пата. Так, только различных величин и названий измерения расстояния насчитывалось более ста (причем все они имели равноправие), что создавало немалые трудности в экономике Пата, торговом и даже военном деле. Известен случай, когда шедшая из Пата в форт Лидеб в Севрии военная шреха со сторожевым полулегионом попала в бурю, дала течь и полулегион был вынужден высадиться на берегу Камской пустыни. Разузнав у местного племени, что до форта Лидеб около пятидесяти тысяч шагов (на патские шаги – чуть более тридцати километров), молодой самонадеянный посадник Вербоний Сатур двинул через пустыню полулегион налегке, лишь с суточным запасом воды. В форте он надеялся составить обоз и вернуться к кораблю, чтобы забрать припасы и снаряжение, поскольку местные племена оказались сплошь рыбаками и выючных животных не имели. В конце второй недели к форту вышло только четверо изможденных, черных от солнца и полидипсии солдат. Трое из них скончались, и лишь один после сорока дней бреда и горячки смог поведать историю этого похода. Откуда было знать самонадеянному юнцу, посад-

нику Вербонию, иссушенной мумией оставшемуся лежать вместе со своим полулегионом в песках Камской пустыни, что шагом на побережье считали шаг исполина Боухраштахраша – доисторического ящера, по прихоти природы и времени запечатленный на окаменевшей глине Амалийского плато.

Необходимость введения в стране единых измерений возникла давно, но первая же попытка коммуникаторов обсудить этот вопрос в Сенате встретила неожиданное сопротивление со стороны Кикены. Объяснялось все до вульгарности просто. Предложение шло не от его сторонников, и поэтому честолюбец не давал ему хода. Только ценой огромных усилий, подкупов, лстивых обещаний и, самое главное, прозрачного намека на то, что нововведение будет приписано мудрой политике Кикены во времена его консульства, вопрос сдвинулся с мертвой точки.

Труций Кальтар, пожилой мужчина с венчиком седых волос на крутом загривке и необычайной тучности – его непомерный колыхающийся живот не могла скрыть даже широченная тога, степенно сошел вниз. С минуту он стоял, размеренно сопя носом, вытирая краем полы жирные складки на шее и тяжелым внушительным взглядом оглядывая сенаторов. Затем, наконец, развернул манускрипт.

– Сенатский коллегийум, – начал он неожиданно тонким голосом, – в составе трех сенаторов и трех парламентариев совместно с сектумвиратом жрецов Сабаторийского холма разработали и выносят на утверждение Сената следующие, эталоны мер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.